

Егоров Олег Георгиевич

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО С А. П. ЕЛАГИНОЙ

В статье рассматривается переписка В. А. Жуковского с А. П. Елагиной как единое целое. Главное место уделяется соотношению мотивов переписки с ее структурой, а также эволюция стиля.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/3/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (7). С. 53-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**SPECIFICATION OF TERMS OF SCIENTIFIC-TECHNICAL LITERATURE
AND TECHNIQUES OF TEACHING TERMS IN A NON-LINGUISTIC INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION**

Tatyana Fyodorovna Dolgaya

*Department of Foreign Languages
Institute of Natural Resources
National Research Tomsk Polytechnic University
dtf2@yandex.ru*

The terms of scientific-technical literature are analyzed and their morphology and specification of translation are considered in the article. The author pays the special attention to the ways of teaching terminology at a foreign language lesson in a technical institute of higher education.

Key words and phrases: scientific term; morphological structure; definition of term; contextual meaning; professional English.

УДК 82-6

В статье рассматривается переписка В. А. Жуковского с А. П. Елагиной как единое целое. Главное место уделяется соотношению мотивов переписки с ее структурой, а также эволюция стиля.

Ключевые слова и фразы: дружеское письмо; композиция; структура текста; стиль.

Олег Георгиевич Егоров, д. филол. н.

*Лицей г. Железнодорожного Московской области
egorol@list.ru*

**СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ И СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
ПЕРЕПИСКИ В. А. ЖУКОВСКОГО С А. П. ЕЛАГИНОЙ[©]**

Переписка В. А. Жуковского с А. П. Елагиной наконец-то собрана и издана как литературное целое [3]. Исследователи получили возможность изучать не разрозненные куски, а внутренне связанный и внешне завершенный текст. Из данного факта вытекает первоочередная задача выявить особенности этого текста с точки зрения состава, организации и системы речевых средств.

Переписка Жуковского с Елагиной, будучи образцом эпистолярного жанра, воспринималась исследователями как качественно иное образование, граничащее со словесным искусством. Она называлась «романом в письмах», этико-философско-эстетическим комплексом, «духовным ансамблем» [2, с. 642]. Одним словом, в переписке видели нечто большее, чем обычный обмен информацией между двумя родственниками и друзьями.

В русской литературе и культуре было немало образцов, аналогичных переписке Жуковского с Елагиной. Это переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметьевой, В. И. Иванова с Л. Д. Зиновьевой-Анибал, Б. Л. Пастернака с М. Баранович, П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк. В такой переписке одной из фигур всегда был большой художник, значение которого и определяло интерес ко всему эпистолярному. Но в своей интимной сфере оба корреспондента выступали как равные партнеры, что позволяло занять второму место в Большом искусстве. Так получилось и с Авдотьей Петровной Елагиной, которая благодаря письмам к ней Жуковского стала заметной фигурой в литературном мире.

Начало переписки Жуковского с Елагиной относится к знаменательному периоду в истории русской словесности. Во-первых, это было время небывалой популярности «дружеского письма». «В этот период, - отмечал М. П. Алексеев, - письмо прошло у нас все стадии своей эволюции как самостоятельного литературного жанра, испробовало различные пути своего применения и стилистической обработки, звучало во всех регистрах человеческих голосов и в разных вариантах своей социальной обусловленности и общественных функций» [1, с. 19-20]. Во-вторых, переписка завязалась в эпоху формирования нового литературного языка и отразила в себе закономерности этого процесса. Положение письма *между* книжно-литературным языком и соответствующими нормами разговорной речи способствовало выработке оригинального, неповторимого эпистолярного стиля, адекватно отразившего различные внутренние состояния двух собеседников («Я пишу к вам для того, - признается Жуковский в начале переписки, - что на словах <...> не буду уметь довольно ясно выразиться <...>» [3, с. 5]).

Эти общие тенденции не покрывали, однако, индивидуальных мотивов и особенностей переписки Жуковского с Елагиной. Правда, эти особенности не однозначно толковались разными исследователями. Теперь, когда вся переписка собрана в одну книгу, можно разрешить спорные вопросы и устранить неточности. В первую очередь необходимо дать ответ на два вопроса: 1) что явилось побудительным мотивом переписки? и 2) является ли известный нам свод писем Жуковского и Елагиной единым целым в композиционном, стилистическом и содержательном отношении? Только после ответа на данные вопросы можно будет изучать другие составляющие этих текстов.

К моменту начала переписки между Жуковским и Елагиной существовали устойчивые дружественно-родственные отношения. Их основу составляли духовные интересы и эстетические идеалы. Все они были укоренены в быте и пространственно локализованы в местах обитания их рода. В течение ряда лет такая жизнь в представлении двух родственников носила идеальный, почти сакральный характер.

Смерть В. И. Киреевского в конце 1812 года резко изменила жизнь Авдотьи Петровны. Это событие вызвало не обычную реакцию в связи с потерей близкого человека - оно сломало весь жизненный уклад. Было нарушено экзистенциальное единство одухотворенного бытия (быта) и материализованного в этом быте духовного идеала. Произошла десакрализация быта. Вместо духовно-эстетической стороны на первый план для Елагиной выдвинулась сторона материально-созидательная. Как пишет Жуковский, «воспитание ваших детей и хозяйство» [Там же, с. 9]. Забота о материальных основах бытия породила у Авдотьи Петровны страх, неуверенность в будущем и углубила душевную травму.

Переписка завязалась как следствие семейной и жизненной драмы Елагиной, а со стороны Жуковского была вызвана желанием психологически поддержать своего близкого друга и родственницу. «Я был бы совершенно покоен <...>,- пишет Жуковский в первом письме,- но <...> вы имеете <...> слишком распаленную голову; ничто до сих пор не заставляла вас думать об излечении этой болезни, которая, право, может иметь жестокое влияние и на вашу жизнь, и на судьбу ваших детей» [Там же, с. 5]. Таким образом, переписка Жуковского с Елагиной возникла не как дань традиции. Напротив, фактом своего возникновения она породила традицию.

Вторым важнейшим вопросом в научном исследовании переписки является ее структура. Во всем массиве писем Жуковского и Елагиной выделяется пять автономных групп или циклов. Они различаются объемом, господствующим мотивом, или содержательным наполнением, и стилистикой. Каждый цикл писем отражает один из жизненных этапов Жуковского и Елагиной, на котором их линии судьбы либо пересекались (1, 2), либо расходились (3-5). Можно выделить четыре признака, характеризующих циклы писем: 1) идейную доминанту; 2) совокупность жизненных обстоятельств и вытекающую из них центральную жизненную проблему (проблемы); 3) пространственную локализацию в дихотомии «единство - дискретность»; 4) стиль.

Первый цикл состоит из 4-х писем (вероятно, какие-то письма, относящиеся к данному периоду, утеряны) и относится к лету 1813 года. Жуковский обращается к Елагиной с тем, чтобы предостеречь ее от недуманных поступков, могущих повлечь за собой ухудшение ее психического состояния и причинить вред детям. Он пытается воздействовать на ее сознание рациональными доводами, нейтрализуя или значительно ослабляя сферу эмоций и бессознательного. Здесь он выступает с позиций здравого смысла, отбрасывая всякие сантименты, религиозные верования и прочие внерациональные интенции: «<...>я пишу для того, чтобы что-нибудь своими письмами сделать»; «Почему же человек, одетый в рясу и имеющий имя протопopa, может иметь на вас более влияния <...> нежели собственный рассудок?»; «Ваше чувство для меня понятно <...> но, право, рассудок ему противится» [Там же, с. 6, 9, 13].

Письма Жуковского этого цикла представляют собой сильный, граничащий с высоким профессионализмом нравственно-психологический урок (на языке аналитической психологии его назвали бы сеансом психотерапии), который оказал мощное, а, может быть, и решающее воздействие на судьбу Елагиной и ее семейства. Испытав благотворность усилий друга, Елагина сама косвенно признает те изменения, которые произошли в ее состоянии и которые отразились на ряде жизненно важных поступков: «<...> я давно уже обещала себе,- пишет она в ответ на доводы Жуковского,- переламывать все слишком сильные движения души и удерживать их рассудком, и так на этот счет не беспокоиться» [Там же, с. 11].

Письма Жуковского построены по строго рационалистической схеме: проблема - доводы - решение. Логика убеждения подчиняет себе и стилистику. Эта группа писем отличается ясностью изложения, использованием слов исключительно в прямом смысле, ритмико-интонационной однородностью. Активность позиции Жуковского, доминирование его мысли приводит к тому, что Елагина подчиняется его доводам и принимает его рационалистическую схему рассуждений. Но происходит это потому, что в своих силлогизмах, советах и наставлениях Жуковский использует излюбленные языковые приемы Елагиной, подчиняя их своей логике. Его письма переполнены восклицаниями, графически выделенными словами и фразами, словами-символами, цитатами из писем Елагиной. Встроенные в контекст чужого письма, они создают иллюзию родной речи и оказывают суггестивное воздействие на адресата.

Однако в структуре письма Жуковского «чужие» приемы занимают подчиненное место. За ними легко просматриваются ключевые слова, соответствующие назначению письма. Характерно в этом отношении последнее письмо цикла. За обычным приветливо-располагающим тоном звучит ряд требований, выраженных словами категории модальности: «пожертвование нужно», «нужна только доверенность», «можно набрать сведений», «можно привести в исполнение», «можно заниматься с успехом», «надобно найти человека» [Там же, с. 13-14].

Активная позиция Жуковского в первой группе писем относится и к центральной проблеме цикла - сохранению надежды двух друзей на счастье. Эта мысль *crescendo* проходит через весь цикл и завершает его на смысловой доминанте: «Умоляя вас быть счастливой, насколько это возможно, я защищаю свое собственное дело» [Там же, с. 14].

Второй цикл связан с борьбой Жуковского за Машу Протасову, в которой Елагина встала на сторону своего брата. Он охватывает период с весны 1814 года до лета 1815 года. От предыдущего цикла его отделяет временной интервал в 8 месяцев.

Здесь роли двух корреспондентов меняются. Теперь уже Елагина выступает в качестве утешительницы и наставницы. Ее письма наполнены советами, просьбами, призывами: «Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств», - признается Жуковский; «в вашей дружбе ищу опоры»; «Напишите мне все свои мысли об этом - я буду их беречь. Такого рода мысли должны быть для меня написаны, дабы в случае нужды принять их как крепительное» [Там же, с. 17, 30, 37].

Это был самый трудный период в жизни Жуковского. Иногда он находился на грани отчаяния («Теперь мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие» [Там же, с. 31]), и Елагина пыталась воздействовать на него теми средствами, которые были в ее распоряжении. Средства эти были далеки от логики рационалистического плана, но по силе убедительности не уступали ей. Елагина использует весь набор чувств, религиозных и поэтических образов, включая цитаты из стихов Жуковского. Жуковский дает имя той роли, которую Елагина пытается играть в качестве врача его душевных ран. Это имя - «шептун» в значении «знахарь, который лечит заговорами» [Там же, с. 44, 48, 80].

События, отображенные в письмах второго цикла, в основном разворачиваются в пределах родного двум корреспондентам географического пространства: «Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское <...> из Черни домой», - пишет Елагина. Исключение составляет пребывание Жуковского в Петербурге. Это обстоятельство заметно повлияло на содержание и стиль двух писем поэта. «Я дал над собою волю петербургской рассеянности, которая грянула на меня, как бомба, и раздробила все мое время - так что едва ли и теперь я очнулся» [Там же, с. 77]. В первом петербургском письме поэт признается, что от новой обстановки у него «голова идет кругом» и «писать со сном» он не в состоянии. Поэтому «о главном и единственном не говорю теперь ни слова» [Там же, с. 72].

По содержанию эти письма выделяются своей информативной насыщенностью, перечнем планов и замыслов - и одновременно растерянностью перед массой новых проблем, вызванных неподготовленностью к небывалому образу жизни. Впервые в этих письмах выражается мысль о том, что его сердечная привязанность не единственное благо жизни, уготованное ему судьбой: «на свете для меня много прекрасного и без всякой надежды» [Там же].

Стилистически второй цикл переписки резко отличается от первого. Здесь можно выделить две закономерности. Письма первого цикла близки к формам книжной речи 1810-х годов и вполне отвечают требованиям новиковско-карамзинской языковой реформы. Их можно смело отнести к артикулированным процессам суждения. Вторая группа писем ориентирована на разговорную речь, которая еще проходила стадию нормирования. С грамматической точки зрения письма и Жуковского и Елагиной содержат массу неправильных форм, а с точки зрения логики - неартикулированных процессов суждения. Оба корреспондента используют сравнительную степень в относительных прилагательных (*довольнее, гнилее* [Там же, с. 18, 34]); неправильное грамматическое управление (*вам много можно сделать* вместо *вы много можете сделать, баронесса не совсем с вашей стороны* вместо *на вашей стороне, мне это почти невозможно* вместо *для меня это почти невозможно, я три раза прерывала это маранье сильным страхом* вместо *из-за сильного страха* [Там же, с. 21, 25, 26]; одушевление неодушевленных существительных (*ее поступок - мой предатель* [Там же, с. 33]); склонение несклоняемых существительных (*к своему бюро* вместо *бюро* [Там же, с. 54]); употребление слов в устаревшем значении (*должность* в смысле *долг, обязанность* [Там же, с. 29]).

Подобные языковые отклонения отсутствуют в первом цикле писем. Вторжение стихии разговорной речи в текст переписки было вызвано тяжелыми душевными переживаниями Жуковского и неустойчивым, балансирующим на грани психического срыва состоянием Елагиной («Иногда кажется мне, будто вы меня вытаскивали из какого-нибудь страшного рва, а иногда боюсь опять туда упасть» [Там же, с. 37]). Неопределенность будущего, преследующее обоих чувство страха и потерянности, неустроенность быта препятствуют работе над выдержанностью слога, способствуют выражению спонтанного чувства при помощи первых пришедших на ум слов. «Передо мною три ваших письма, милая моя сестра, - отмечает Жуковский 24 мая 1815 года, - и все они написаны разным слогом <...>» [Там же, с. 77].

Вторая стилевая тенденция цикла относится к ритмико-интонационной структуре текста. И Жуковский, и Елагина используют приемы актуального членения - графическое выделение слов и соответствие их расположения ходу мыслей. В тексте писем содержатся ритмические отрезки с более сильной смысловой акцентировкой. Обычно оба корреспондента используют знак <-> для того, чтобы отделить законченные высказывания внутри абзаца; курсив; иноязычные слова и выражения; постпозицию актуализированных членов (расположение слов и выражений, несущих логическое ударение, в конце предложения или речевого такта). Елагина - Жуковскому: «Но полно об этом! Мне становится грустно, и самым глупым манером грустно: жаль себя! Это, право, со мною редко бывает, и ежели я узнаю, что вам хорошо, что вы счастливы, то никогда и не будет, хоть бы вам и вздумалось забыть меня. - Mais voila le Malheur (но какое несчастье), забыть-то меня» [Там же, с. 56].

Такая структура письма соответствует разговорному стилю речи, иногда - полноте и избытку чувства, иногда - усложненному ходу мысли. Перегруженность некоторых писем подобными приемами (особенно у Елагиной) отражает потребность обоих корреспондентов в прямом общении и недостаточность письма как жанра для выражения стихии живого диалога.

Третий цикл переписки охватывает промежуток времени приблизительно с середины лета 1815 года и до середины лета 1819 года. Для Жуковского в личном плане - это время окончательной утраты надежды на счастье с Машей Протасовой, начало его службы при дворе и, как следствие, - отдаление от родных мест. Переписка этого периода отражает перемены во внутреннем мире поэта: «Петербургская жизнь совсем меня переменяла», - признается он Елагиной [Там же, с. 88].

То всеохватывающее чувство, которое безраздельно владело Жуковским прежде, делит место с житейским опытом: «Прежде причиной моего равнодушия <к своей выгоде> было одно чувство, которое наполнило душу и ею исключительно владело; теперь к благодетельному этому чувству <...> присоединилась и некоторая опытность» [Там же]. Пространственная отдаленность корреспондентов, их редкие личные контакты, в соединении с утратой надежды на счастье Жуковского и Маши Протасовой, порождают ощущение разлада во внешнем и внутреннем мире: «Здесь жизнь давит и душит меня. Рад все бросить и убежать к вам <...>»; «Величайший беспорядок в голове, и все в разброде [Там же, с. 111, 144].

Ценой колоссального напряжения воли и самодисциплины Жуковский преодолевает тягостное состояние. В этом ему опять помогает рассудок, рациональный подход к жизни: «Теперь, кажется, хаос в порядке»; «Я опять раскрываю письмо свое <...> Его писало пристрастие. Теперь пишет благоразумие» [Там же, с. 112, 113]. Впервые в этом цикле звучит неудовлетворенность перепиской как формой общения, не подкрепленной периодическим непосредственным диалогом. Все чаще корреспонденты признаются друг другу в том, что письма не могут заменить живого общения, и оставляют место для недоговоренности: «Здесь у меня нет настоящего,- пишет Жуковский,- Но, возвратясь к вам, я буду его иметь»; «<...> я часто бываю недоволен собой, - продолжает он эту мысль в другом письме. - Это разберем при свидании»; «Отчего моя жизнь стала такая вялая, с тех пор как вы от меня так далеко?» - вторит ему Елагина [Там же, с. 145, 157, 219].

Для Елагиной период, отразившийся в данном цикле, также был временем утраты надежд, и она отделяет его от прежнего: «Прежде мое небо озарялось надеждой на ваше счастье, и жизнь мне была восторгом <...>»; «<...> ваше обоим счастье столько времени составляло цель моего счастья <...> что с тех пор, как это у меня отняли, для меня разрушилась вся прелесть жизни» [Там же, с. 179, 222].

В третьем цикле получают развитие стилевые тенденции, которые наметились во втором. Унылая патетика все чаще перемежается с деловым письмом и информационно насыщенным отчетом о событиях и лицах. Письма Жуковского из Петербурга написаны более энергичным (торопливым) стилем. К этому предрасполагала обстановка - деловая, динамичная, насыщенная внешними событиями, в отличие от деревенского размеренного ритма жизни с минимумом событий. Спрессованность времени в Петербурге заставляла писать почти на ходу, между множеством дел. Слог от этого становился быстрый, экономный с точки зрения выразительных средств.

Жуковский начинает делить свои письма к Елагиной на два противоположных по содержанию жанра - пространное философское, адресованное только Елагиной, и описательное, рассчитанное на нескольких адресатов: «Но я все болтаю и философствую, - прерывает он свое письмо из Петербурга, - а я еще ничего не рассказал о своих приключениях петербургских»; «Чтобы не описывать два раза одного и того же, начало моих здешних походов опишу к Плещеевым, и от них вы получите это письмо», - заканчивает он петербургский отчет [Там же, с. 189].

В третьем цикле нарушается стилевое единство письма. В одном письме нередко сталкиваются две, с точки зрения письменной традиции, стилистически несовместимые линии - дидактико-рационалистическая и сентиментально-психологическая. В таких письмах логика сочетается с бурным изливанием чувств, убедительность доводов - с излюбленными риторическими приемами. В таких письмах Жуковский не просто делится своими впечатлениями и переживаниями, а стремится убедить адресата в своей правоте. Примером такого стилистического симбиоза может служить письмо из Дерпта от 30 июня 1815 года. Логика письма зиждется на грамматическом отрицании, выражающем конфликт неприятия Жуковским позиции Е. А. Протасовой и личности Воейкова, а эмоциональный настрой - на восклицании и вопрошании, рассыпанных в избытке по всему письму (не могу, не хочу, не существует, не касайся, не иметь, не дает, не должен, не верю; Можно ли быть довольным? Но где эти связи на деле? Но как же его исполнить! Но вопрос: будет ли им? и т.д. [Там же, с. 110-111]).

Письма Елагиной также подвержены данной тенденции. В них увеличивается информационно-деловая составляющая и трансформируется система речевых средств. В этом отношении письмо Елагиной от 29 июля 1816 года аналогично письмам Жуковского. Бытовые подробности и прагматические соображения срастаются с сердечными изливаниями в адрес Жуковского. Но, как всегда бывает у хозяйки Долбино, и здесь доминирует эмоциональный лейтмотив в форме варьирующегося на разные лады обращения: «Милый Жуковский», «мон cher», «голубчик», «милый друг», «мой голубчик», «братец», «маточка» [Там же, с. 177-179].

Следующий цикл писем относится к лету 1819 - концу 1825 года. Это период более чем пятилетней разлуки Жуковского и Елагиной. В их переписке господствует мотив тоски по дорогом, но исчезнувшему укладу жизни: *Жуковский* - «В Москве, где почти все, что мы знали вместе, или исчезло, или переменялось. И все это не может нас заставить писать друг другу!»; *Елагина* - «Все, что меня окружает, все мои внешние и внутренние обстоятельства, все вам незнакомо <...> даже писать к вам мне становится часто тяжело и горько» [Там же, с. 237, 282].

Быт и житейские невзгоды все более теснят прежние идеалы и мечты. Письма цикла переполнены жалобами на душевные и физические недуги, страдания родных и близких: *Елагина* - «Скоро уже шесть недель, как я осталась жива после дурных родов»; «Пишу вам во время лихорадочного пароксизма»; *Жуковский* - «Во все это время болен, и так болен, что вместо Москвы еду на воды в Эмс»; *Елагина* - «Надобно, чтобы душа моя была очень больна <...> когда уж от вас письмо меня не вылечивает» [Там же, с. 260, 270, 248, 288].

Растущие жизненные тяготы и невзгоды - смерть детей, болезни, заботы о семье - снова заставляют Елагину помянуться ролями со своим братом и другом. Она жаждет его нравственной поддержки и советов как спасительного средства: «Будьте теперь вы мне шептуном - спасителем» [Там же, с. 260].

Заметно меняется лексико-интонационный строй писем Елагиной. Прежнее актуальное членение текста, рассчитанное на смысловую акцентировку слов и фраз, преобразуется в автономные группы предложений и абзацы, последовательно отражающие разнообразные, порой не связанные между собой события внешней и внутренней жизни.

Завершающий цикл охватывает самый большой по времени период с 1827 до марта 1852 года. Событийно он связан с началом службы Жуковского в качестве воспитателя наследника: «Могу сказать,- пишет поэт,- что настоящая положительная моя деятельность считается только с той минуты, с которою я вошел в тот круг, в котором теперь заключен» [Там же, с. 296].

Переписка отражает состояние двоемирия, в котором находились Жуковский и Елагина все эти годы. «Большая отрада души уйти в ваш мир, там часто я бываю»,- пишет Елагина [Там же, с. 573]. «Уходите в ваш благословенный, другой мир! Здесь шатко, страшно, скверно»,- призывает она поэта в другом письме [Там же, с. 579].

И все-таки в письмах последнего цикла господствующее место занимают события повседневной жизни - быт, заботы, переживания. «Положение матери семейства таково всегда, - признается Елагина, - что ни от какого горя нельзя уйти в мир фантазии <...>» [Там же, с. 434]. «Мир, интенционально переживаемый человеком в качестве обладающего особой смысловой структурой, меняется и его структуру можно модифицировать путем перегруппировки смысловых содержаний» [4, с. 22]. Так действуют и оба корреспондента. Универсальные обобщения экзистенциального характера - душевная жизнь, вера, любовь, нравственность, - составлявшие идейное ядро предыдущих циклов, утрачивают свою доминирующую позицию в переписке, уступая место бытовым подробностям. Во многих письмах эти старые темы или вовсе не поднимаются, или о них говорится в двух-трех предложениях. Житейские заботы отдалают прежние идеалы, но одновременно новый быт приобретает высокую цену: «Моя теперешняя жизнь, - признается Жуковский, - лучше прежней; та была беззаботнее <...> теперешняя значительнее, с гораздо большим знанием» [3, с. 577]. «В семье нашей, - вторит ему Елагина,- есть у каждого незаметное никому преткновение к счастью» [Там же, с. 594].

Стиль большинства поздних писем лишен импульсивности. Елагина редко использует прежние приемы графической акцентировки. Среди писем Жуковского все больше коротких. На стиле поздних писем отражаются сдвиги, свойственные и поэтической манере поэта: «Я сделался смиренным поэтом-рассказчиком» [Там же, с. 524]. Пространные письма переполнены информацией, планами, обширными комментариями к событиям повседневной жизни. Завершается переписка несбывшимися мечтами вместе «вспомнить неумиряющее прошедшее» [Там же, с. 614].

Переписка Жуковского с Елагиной является сложным структурно-стилевым образованием. Элементы ее системы находятся в противоречивом взаимодействии с жизненными обстоятельствами авторов, пространственно-временной диалектикой их жизненных линий. В переписке отразились как общие тенденции в развитии эпистолярного жанра русской словесности первой половины XIX века, так и индивидуальные особенности литературной манеры Жуковского и Елагиной.

Список литературы

1. **Алексеев М. П.** Письма И. С. Тургенева // Тургенев И. С. ПСС и П: в 28 т. М.-Л., 1960-1968. Т. I. Письма. С. 15-144.
2. **Жилиякова Э. М.** Переписка А. А. Елагиной и В. А. Жуковского как памятник русской культуры первой половины XIX века // Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813-1852. М., 2009. С. 633-665.
3. **Переписка В. И. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813-1852.** М., 2009. 728 с.
4. **Шнюц А.** Смысловая структура повседневного мира. М., 2003. 430 с.

STRUCTURAL-FUNCTIONAL AND STYLISTIC ORIGINALITY
OF V. A. JUKOVSKY'S CORRESPONDENCE WITH A. P. ELAGUINA

Oleg Georgievich Egorov, Doctor in Linguistics

*Lyceum of Zheleznodorjny of Moscow Region
egorol@list.ru*

V. A. Jukovsky's correspondence with A. P. Elaguina is considered as the whole one. The main attention is given to the correlation of correspondence motifs with its structure and to the style evolution.

Key words and phrases: friendly letter; composition; text structure; style.

УДК 821.512.133-1

В статье исследуются стилевые направления в современной узбекской поэзии, их место и свойства. Дается краткий обзор преобразований в современных поэтических течениях.

Ключевые слова и фразы: стилевые направления; публицистическое направление; социально-философское направление; народное направление.

Насиба Азатбаевна Жуманиязова

Отделение «Процессы современной литературы»

*Институт языка и литературы им. Алишера Навои Академии наук Республики Узбекистан
modernfilolog@mail.ru*

СТИЛЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ[©]

Поэзия - одно из самых образных выражений художественной мысли. Являясь одним из способов самосознания, эстетического осмысления общества, бытия и реальности в целом, поэзия во все времена и пространства оставалась искусством, воспевающим посредством слова духовное совершенство.

Поэзия, являясь неотрывной частью общеузбекской литературы, имеет богатую традицию и историю. Новое современное национально-художественное мышление берёт истоки с начала XX века - с лирики Чулпана и Фитрата - и совершенствуется творческой практикой нескольких поколений. В частности, в 90-е годы XX века зарождается новая эстетическая реалья, которая стала называться литературой независимости. Литература периода независимости, с ее весомой составляющей - поэзией - появилась на свет в результате новоформирующихся национально-художественного сознания и социально-эстетического мышления. Именно с их формированием значительно расширились ее возможности объективного и свободного видения, поэтического мышления и реального воспроизведения человека, естественного отображения его взаимоотношений с миром, анализа изменений психики человека в разных ракурсах, глубокого исследования сложной человеческой души, ее эмоционального мира, нравственного состояния. В описании лирического героя усиливаются реальность, правдивость, на первый план выдвигаются его судьба и неповторимость духовного мира. Всё это требует отказа от стандартных средств выражения, стремления к новым методическим подходам, многоплановости описания.

Современная узбекская поэзия значительно пополнилась новым звучанием, глубоким содержанием. Способы его выражения наряду со стимулированием национально-художественных достижений совершенствуются за счёт творческого заимствования передовых традиций мирового эстетического мышления. Потенциал социально-философского содержания, эмоциональных средств передачи, разнообразия методов, тонкое толкование мысли придают узбекской поэзии неповторимую особенность. Традиционные средства смело гармонируют с принципами новых подходов в воспроизведении внутренних и внешних процессов сложного мира поэтического героя как основного объекта описания, в раскрытии его образа мысли и эмоционального настроения. Многогранность материального и духовного начал человека раскрывается посредством толкования невидимых глазом его глубоких эмоциональных переживаний и цельного описания как сложного высшего звена. Естественно, в этом процессе проявляется потребность в творческих экспериментах в сфере методических подходов, применения неожиданно новых средств выражения.